

Моск. правда. - 2001. - № 481. - с. 5

Как подключиться к Вечности?

В самом начале осени популярному актеру и режиссеру Сергею Арцибашеву исполняется пятьдесят. А созданному им театральному коллективу, одному из самых интересных в Москве «Театру на Покровке» - десять лет.

- Сергей Николаевич, как будете отмечать день рождения театра? С какими мыслями!

- В тишине.

- В смысле!

- В том смысле, что 10 лет - это небольшой рубеж, к нему надо отнестись философски, и мы, видимо, встретим его в рабочем порядке, премьерой нового спектакля «В тишине». Сейчас идут репетиции. Это малягинская пьеса, которую я ставил 10 лет назад в Театре комедии. Она тогда по некоторым причинам не пошла, но это была заявка на серьезное размышление. Сама история драматическая, даже трагическая - о молодых людях, которые решили создать некоторую свою зону, свой дом, в котором они могли бы жить по человеческим законам и правилам.

- Красивым правилам!

- Красивым. Они решили совместными усилиями, поддерживая друг друга, выстоять, попытаться сохранить интерес к жизни, не поддаваться разрушающему течению, в котором они барахтаются, и, по возможности, помочь другим людям.

- Удастся ли это им!

- Нет, не удастся. Двое из них погибли.

- Ну а в принципе такая ситуация возможна!

- Мне не хочется в свои пятьдесят терять веру в собственные юношеские мечты, идеалы, истины. Пусть даже и вот таким путем - через театр, но мне все время хочется возвращаться к этим темам. (Возможно, кому-то все это и покажется немодным, несвоевременным.) Я вижу, как многих ломает жизнь. И мы часто забываем, какими были в юности наши мечты. Человек оправдывается: «Так уж сложилась жизнь, судьба». Но кто ее так сложил - это вопрос. И кто наш главный враг - это

тоже вопрос. Меня эти размышления не отпускают. Мне хотелось, чтобы и наши зрители над этим задумывались бы почаще.

- Преодоление «одиночества вдвоем», проблема человеческого одиночества часто звучит в ваших постановках...

- Мы все одиноки. И как-то очень уж смирились с этим. Но нам, несмотря ни на что, приходится вместе сосуществовать. И находить контакт. Как это делать? Остается загадкой. Вот почему люди нашего времени, как планеты, все время летают по разным орбитам.

Поэтому это и одна из тем спектакля «Сон» - предвдущей нашей премьеры, где играет Людмила Максакова. Может быть, самое дорогое, что есть на Земле, - возможность прикосновения друг к другу.

- Вам удалось создать театр со своим лицом. А как вы сами определяете, каково оно, это лицо!

- У нас - свой стиль, свой угол зрения. И он находит прием у зрителей, у специалистов, у критиков. Я думаю, что изначально правильно была задана позиция - стратегическая и тактическая. Внимание было обращено на классику, на Серебряный век русской литературы, на наш духовный и душевный капитал. Все пьесы, даже и поставленные давно, остаются живыми долгие годы. Вот мы летом возили

в Липецк на чеховский международный фестиваль свои «Три сестры». Спектаклю 10 лет. Но его все воспринимают как премьеру. Хотя

мы-то видим, как он взрослеет, меняется. Он стал жестче, грустнее, чем был 10 лет назад. Грусть - это наше приобретение.

Я дал когда-то актерам установку: весь свой жизненный багаж привносить с собой на сцену.

- Я видела на сцене «Ленкома» мирзоевский спектакль «Две женщины», который у вас идет под названием «Месяц в деревне». Удивительно, как один и тот же текст можно столь по-разному подать: оставить героев в яме, посыпав их снежком, или возвыситься до осмысления тех процессов, которые происходят в недрах души человеческой...

- Я, к сожалению, не видел этот спектакль, не могу судить. Но всегда придерживался того, что нельзя классику корезжить. Классику часто приспособляют к рыночным обстоятельствам, чтобы было чем завлечь зрителя в театр. Я выбрал второй путь - в замечательном тексте открывать что-то новое. Проблемы ведь, которые нас волнуют

в этой вещи, вечные.

В 1993 году на мюнхенский фестиваль, куда мы возили свои «Три сестры», американцы привезли эту же пьесу. У них там все было так наворочено - день рождения Ирины справляла восьмидесятилетняя старушка, там было телевидение, камеры, современные разборки. У меня потом критики спрашивали, как я отношусь к такому модерну. Если бы это было в России, то я отнесся бы к этому, как к очередному самовыражению режиссера. А поскольку это - Америка и там вряд ли много ставят чеховских «сестер», то я считаю, что надо было все-таки потрудиться и как-то понять автора, что он там хотел сказать. Сравнить-то американцам не с чем. Вот люди и будут думать, что русский Чехов такой и есть, каким его показала эта американская труппа. Пускай они опыты проводят на своих авторах, американских - Миллере или Уильямсе. Меня это очень возмутило!

- Часто говорят о театральной школе Арцибашева. Каковы ее особенности!

- У нас - маленький театр, и я посему могу себе позволить заниматься в нем глубокими вещами, не всегда видимыми, осязаемыми. Требования, как и у моих педагогов (тут я не придумывал ничего сверхнового), чтобы актеры были личностями, чтобы они развивались, имели бы смелость заглянуть в такие тайники души и организма, в которые мы не хотим заглядывать. Потому что иногда это страшно. Я стараюсь добиваться душевного стриптиза перед публикой, так как любой спектакль - это всегда личная исповедь актера, где он должен себя выворачивать наизнанку.

Самая сложная задача - познать самого себя. Иногда эти открытия бывают пугающими. Когда мы понимаем, что в определенных обстоятельствах могли бы совершить ужасные вещи. Но я считаю, что надо знать своих врагов в лицо. Да, человек может быть злым, плохим, отвратительным, жесто-

ким. И я могу. Но надо ли это мне или нет? И если я становлюсь таким, то тут уже - мой выбор. И я должен за это отвечать. При этом стараюсь амплитуду все время увеличивать, не только копя вниз, но и восходя вверх. Как Достоевский говорил, что поле битвы - это сердца людей. Мне хочется, чтобы все мы осознанно делали свой выбор.

Вот эта амплитуда, ее расширение и не дает нам стоять на месте, во многом выматывая наших артистов. Кому-то вообще уже, может быть, надоело. Но я не знаю другого пути. Так как театр - вещь эмоциональная, впечатлительная.

Самый главный и важный для меня вопрос - развитие творческого потенциала человека. Возбуждение его. Мы ведь сами себя ограничиваем, ставим себе рамки: дальше не смогу, больше не буду. Мне важно разжигание этого творческого огня - у актера, у зрителя. Мне важно, чтобы зритель во время спектакля творил, почувствовал бы себя на месте того или иного героя. Чтобы он спросил себя: а могу ли я в этих обстоятельствах проявиться с такой же силой, вдохновением, отдачей, как этот персонаж? (И, заметьте, все это входит в стоимость билета.)

Творчество и сотворчество возбуждает высокое ощущение себя как Человека, ощущение своей причастности к какому-то великому мощному процессу - вскрытию в себе человеколюбия, добра.

Я вот думаю: почему люди ходят в театр? За впечатлениями, конечно. Но есть и еще одна неосознанная вещь - подключение к истории, к бессмертию. Смотришь Шекспира, Лопе де Вега, Мольера, которые писали сотни лет назад, и проживаешь эти истории сегодня. Вы не задумывались над тем, что в этот момент мы подключаемся к Вечности? Ты - в этом процессе. И это на какие-то мгновения или надолго снимает страх перед смертью.

Елена КУРБАНОВА.
Фото В. АХЛОМОВА.